

Подарок санкций: анализ оценок российской экономики, 2022–2023 гг.¹

УДК 339.986, 338.2

JEL код: F51

Аннотация. В предлагаемом эссе дан анализ нескольких известных западных оценок, как официальных, так и неофициальных, относительно влияния международных экономических санкций на российскую экономику и на военные действия на Украине. В нем делается попытка понять главные цели санкций, а также факты и причинно-следственные связи, которые лежат в основе [официального] консенсуса о том, что санкции до сих пор были весьма эффективными. Такое понимание может прояснить связь между утверждениями экономистов-наблюдателей за пределами России и источников внутри страны, в частности, оценки, исходящие от экономистов, связанных с Российской академией наук. Они делают резко различающиеся заключения из анализа одних и тех же фактов. Мы пришли к выводу, что применительно к крупной, богатой ресурсами, технически развитой экономике, после периода шока и адаптации санкции эквивалентны жестким защите внутренних рынков, промышленной политике и контролю над движением капитала. Это та политика, которую российское правительство не смогло бы по собственной инициативе реализовать даже в 2022 г.

Ключевые слова: санкции; Россия

Введение

Мало что может быть опаснее консенсуса экономистов – это подтвердит любой, кто помнит преддверие Великого финансового кризиса (2008–2009 гг.) с его разговорами о «Великой умеренности» и «Новом консенсусе по монетарной политике». В том случае объектом наблюдения была экономика США.

Сегодня в центре внимания – экономика Российской Федерации. Настроение большинства наблюдателей не самое благодушное. Вопрос, который они, наверное, задают, не в том, как хорошо обстоят дела в российской экономике, а в том, насколько они плохи. Оценивается политика не российского правительства, а его бывших торговых и финансовых партнеров, которые теперь стремятся нанести России как можно больший ущерб.

¹ Автор благодарит А. Проскуруну за ее исследовательскую помощь. Переведено редакцией с согласия автора [Galbraith, 2023].

Их инструмент – санкции, которые с нарастающей интенсивностью вводились против России после присоединения Крыма в 2014 г. и резко усилились в 2022 г.

Большинство внешних наблюдателей, за некоторыми исключениями, оценивают санкции в отношении России как весьма эффективные. Это общее мнение официальных лиц, таких как Энтони Блинкен или Джанет Йеллен. Они и их высокопоставленные подчиненные, каким бы высоким ни был их профессиональный статус экономистов, вынуждены поддерживать национальную политику. Похоже, что такое же мнение и у тех, кто занимает высокие научные должности, по крайней мере, в США. Это напоминает опыт, имевший место незадолго до Великого финансового кризиса 2008 г. Инакомыслящих было мало тогда и стало еще меньше сейчас.

В данном эссе рассматриваются несколько известных западных оценок, как официальных, так и неофициальных, относительно последствий санкций для российской экономики. Делается попытка понять цели санкций, оценить основные факты и причинно-следственные связи, на которые опирается (официальный) консенсус. Это поможет прояснить соотношение между утверждениями западных экономистов-наблюдателей и российских источников – в частности, исходящих от экономистов, связанных с Российской академией наук (РАН), с некоторыми из них автор знаком уже много лет. Как мы покажем, российские взгляды совпадают с западными относительно многих фактов, но при этом резко различаются по выводам.

Чья оценка?

Предварительный вопрос заключается в том, какие оценки выбрать? Общественное пространство пестрит комментариями. Историк Надин Бжезински в публикации на Medium в январе 2023 г. заявляет: «Первое и самое очевидное последствие войны – это ее прямое воздействие на экономику. Людей забирают с заводов <...> даже если бы санкций не было, это повлияло бы на способность производить товары и услуги» (и так далее) [Brzezinski, 2023]. В комментариях такого рода не приводится никаких данных, не рассматривается возможность найма новых работников для замены призванных резервистов, а также количественный масштаб призыва по отношению к размеру

потенциальной рабочей силы. Этот комментарий и многие другие, подобные ему, не поднимаются до уровня экономического анализа.

В более изощренном ключе профессор Майкл Мардер, философ, преподающий в Стране Басков, пишет в Project Syndicate: «В условиях, когда экономика России напряжена из-за санкций, некоторые из ведущих экономистов и математиков страны выступают за возвращение к временам пятилетних планов и количественных заданий для производства» [Marder, 2023].

Это правда. Первый из упомянутых экономистов, Руслан Гринберг из РАН – мой давний друг – придерживается своей точки зрения уже несколько десятилетий. «Индикативное планирование» – концепция, которая обычно относится к французскому опыту планирования в послевоенные годы, – имеет влиятельных российских сторонников. Другие, как пишет Мардер, выступают за более строгое планирование по советскому образцу, ссылаясь на опыт развития промышленности, который (среди прочего) дал Сталину решающее военное преимущество над Гитлером.

Мардер считает эти предложения признаками отчаяния, и в какой-то степени это тоже верно. Они были выдвинуты на фоне неудачных реформ 1980-х гг., распада СССР в 1992 г. и социальных и экономических катастроф 1990-х гг., связанных с действием свободного рынка. Однако они возникли задолго до «разрушительных международных бойкотов и экономических санкций» и не являются их результатом. Гринберг выступал против неolibеральных основ российской экономической политики с самого начала ее проведения. И хотя он, безусловно, является авторитетным академиком, чьи взгляды вызывают уважение, Гринберг не занимает никакого поста в российском правительстве.

Ключевой частный анализ влияния санкций на Россию

Если поискать подробный анализ, проведенный действующими экономистами, мы найдем работу профессора Джеффри Зонненфельда из Йельской школы менеджмента, которому помогали Стивен Тиан, также работающий в Йеле, и небольшая группа их ассистентов, названных соавторами основного исследования. Зонненфельд много и энергично писал о санкциях. В июле

2022 г. он заявил, что они оказали «разрушительное воздействие на экономику России» [Sonnenfeld et al., 2022]. Здесь мы подчеркиваем, что профессор говорит о воздействии на российскую экономику *в целом*. И это отличается от заявленных целей политики США.

Источники и методы

Зонненфельд *и др.* предваряют свои утверждения перечислением источников. Они говорят, что официальные российские экономические данные стали ненадежными, а некоторые из них теперь не публикуются и взамен предлагают опираться на «частные русскоязычные и прямые источники, включая высокочастотные потребительские данные, кросс-канальные проверки (sic), релизы от международных торговых партнеров России и анализ сложных данных о перевозках». Осуждая политизацию российских экономической статистики², Зонненфельд *и др.* дают следующее описание собственных источников: «Глобальные инвестиционные банки, консалтинговые группы, лидеры многонационального бизнеса и российские макроэкономические эксперты... с уникальным доступом к русскоязычным источникам и документам». Однако в абзаце, описывающем эти источники, ни один из них не цитируется и ни на один не дается ссылка. Большинство данных, на которые ссылаются эти авторы, взяты из открытых источников.

Доводы в пользу эффективности санкций

Зонненфельд *и др.* приводят яркие примеры последствий применения санкций – «отступление» бизнеса (то есть уход из страны нероссийских фирм), эмиграция людей и бегство капитала из российской экономики в первые несколько месяцев после начала военных действий на Украине в конце февраля 2022 г. Их аргументация относительно *эффективности санкций* сводится к следующим положениям:

- падение объемов экспорта нефти и газа вредит России больше, чем ее бывшим торговым партнерам (в основном в Европе), поскольку удельный вес экспорта России в ЕС превышал

² Как бывший руководитель штаба Объединенного экономического комитета Конгресса США в раннюю эру Рейгана я могу подтвердить, что эта проблема не уникальна для России.

долю России в общем импорте ЕС. После потери рынка ЕС перспективы России в отношении новых покупателей ограничены, поскольку инфраструктура, связывающая ее с Азией, намного слабее той, которая была направлена в Европу – последняя развивалась в течение многих лет, а азиатская вряд ли когда-нибудь с ней сравнится;

- сокращение импорта оборудования, особенно высокотехнологичного, привело к драматическим последствиям – например, к почти полной остановке автомобильной промышленности в России;

- эмиграция квалифицированных кадров и отъезд иностранных менеджеров, инженеров и других лиц, которых Россия «не может позволить себе потерять»;

- бегство капитала, эмиграция «состоятельных людей», серьезное падение стоимости акций и других финансовых показателей крупнейших российских производителей ресурсов, обесценение рубля, с которым, правда, удалось быстро справиться в феврале 2022 г., за счет манипуляций на низколиквидном рынке.

Учитывая охват, диапазон и детали этого труда, мы можем считать его лучшим из известных исследований независимых аналитиков относительно влияния санкций на российскую экономику в течение пяти месяцев после начала интенсивных военных действий. Шесть месяцев спустя его авторы пересмотрели свои выводы и заявили, что Россия стала «окончательно неактуальной» для мировой экономики в результате санкций и структурных преобразований 2022 г. Поэтому мы решили изучить эту работу с целью выявления возможных слабых мест по принципу рассуждения *a fortiori*. Если с данной аргументацией что-то не так, то, вероятно, нет необходимости искать недостатки в других, менее тщательных и не столь подробных работах.

Влияние нефтегазовых санкций на Россию и Европу

Первый и главный аргумент Зонненфельда и его коллег касается нефти и газа – ключевых экспортных товаров России наряду с другими ресурсами, включая металлы, уголь и зерно. Их аргументы основаны на триумфе торговли: специализированный производитель зарабатывает наибольшую долю своей иностранной выручки от продаж товаров, на которых он специализируется,

а не на рынках диверсифицированных потребителей. Российские продажи нефти и газа в Европу сильно упали; закупки нефти и газа в Европе сократились заметно меньше, по той причине, что альтернативные источники частично восполнили потери российских поставок. Такова простая арифметика.

Однако эту картину омрачают многочисленные проблемы. Во-первых, хотя Европа «всего лишь» потеряла (большую) часть российских поставок, ей все равно приходилось покупать весь объем нефти и газа на мировых рынках по мировым ценам (по условиям долгосрочных контрактов только в некоторых случаях). Таким образом, влияние военных действий на стоимость энергоносителей в Европе выходит далеко за рамки чистой потери физических объемов российских нефти и газа. Со стороны России более высокие цены компенсировали уменьшение физических объемов продаж, при этом внутренние цены не выросли. Эти моменты также очевидны, но они не являются самыми важными.

Влияние на финансовые ресурсы государства

Центральное утверждение Зонненфельда и многих других заключается в том, что России нужны доходы от экспорта нефти, газа и других ресурсов для финансирования военных действий. Но если раньше доходы от этого экспорта оставались у российских предприятий и государства в виде роялти и налогов, то после перехода к политике создания резервов часть из них не тратилась, а накапливалась на зарубежных счетах, в частности, в форме облигаций Федеральной резервной системы США или размещалась в центральных банках других стран. К началу 2022 г. общая сумма резервов составила около 600 млрд долл., из которых половина была «заморожена» западными учреждениями, управляющими этими средствами³. Эти остатки, замороженные или нет, являются просто резервами. Их потеря будет отражена изменением балансовых счетов, но не скажется на текущих доходах. До тех пор, пока Россия имеет положительное сальдо торгового баланса, резервы остаются незадействованными; их состояние не влияет ни на общую экономическую активность

³ Сколько из 300 млрд долл. США, находящихся на замороженных счетах, было действительно найдено теми, кто ими управлял [по поручению России], – вопрос спорный.

в России, ни на финансовые возможности российского государства⁴.

Влияние на промышленность и общество

Действительно, как пишут Зонненфельд и его коллеги, базовые отрасли промышленности России – такие как автомобилестроение и производство бытовой техники – не могли функционировать в условиях санкций в 2022 г. и были вынуждены закрыть свои предприятия. Санкции также повлияли на биотехнологические производства и другие отрасли, в частности, на авиацию. Одной из основных причин этих закрытий был экспортный контроль над торговлей полупроводниками. Долгосрочная эффективность санкций является предметом дискуссий, поскольку уклонения и контруклонения происходят постоянно. Борьба с санкциями и обеспечение их соблюдения превратились, как выразился один из авторов, в «игру в жмурки», причем пикантной подробностью является увеличение перевалки таинственных товаров через порты русофобских стран Балтии. Очевидно, если санкции можно обойти, их эффект снижается, но какими бы ни были меняющиеся преимущества в соревновании по вводу и обходу ограничений и запретов, давайте сосредоточимся на случае, когда санкции эффективны.

Чтобы рассмотреть влияние промышленных санкций на уровень жизни, нужно провести различие между оборудованием и товарами длительного пользования, с одной стороны, и краткосрочного пользования – с другой.

Прерывание потока товаров и услуг краткосрочного пользования имеет немедленные последствия, поскольку эти товары не могут накапливаться и должны постоянно пополняться. Но технически их часто легко заменить. После введения санкций в 2014 г. Россия развивает собственное производство (среди прочего) сыров и мяса птицы, увеличивая также посевные площади под фруктами, овощами и зерновыми. В недавних новостях говорилось о нехватке свежих продуктов в продуктовых

⁴ В настоящее время предлагаются шаги по аресту российских зарубежных активов и передаче этих средств Украине. Это, в свою очередь, повлечет за собой компенсационный арест западных активов, оставшихся в России. Чистый эффект будет заключаться в принудительном переводе западных компаний в Украину, а Россия выступит лишь в качестве невольного посредника.

магазинах Великобритании, но из России подобных сообщений не поступало.

С товарами длительного пользования дело обстоит иначе. Перебои в их поставках могут стать сложной проблемой, но, как правило, в течение значительного периода времени население в целом воспринимает их спокойно. Причина в том, что в любом обществе поток нового оборудования или автомобилей, или бытовой техники, ежегодно составляет небольшую долю от существующего запаса. Изменение запаса определяется новыми покупками за вычетом того, что выбывает из-за износа. Если производство (или импорт) прекращается, выбытие замедляется; имущество стареет, но продолжает функционировать. В США во время Второй мировой войны производство автомобилей для личного пользования было остановлено на четыре года. В стране при этом не прекратилось использование частных автомобилей. Российская ситуация не столь тяжела, как та, с которой столкнулись США в 1942 г., поскольку масштабы мобилизации гораздо меньше, нет дефицита основных ресурсов (как в США было с каучуком) и не было приказа «остановить работу», как это было сделано после Перл-Харбора в отношении крупных автомобильных компаний.

Конечно, не все производители в России были российскими по своему происхождению, и многие из них решили покинуть страну⁵. Но если компании могут уехать, то их заводы, как правило, нет. Они либо временно закрываются, либо продаются российским резидентам по цене срочной распродажи в соответствии с российским законодательством. Предполагается, что активы найдут покупателей только в том случае, если их можно использовать – в качестве действующего предприятия, запасных частей или (в крайнем случае) металлолома. Хотя ключевые компоненты были импортированы и требовалось найти им замену, почти все остальное, что необходимо для возвращения физического капитала в рабочее состояние, включая управление, финансирование

⁵ Зонненфельд и др. отдельно документируют уход многих западных фирм из России. Точность их данных стала предметом острого спора, о котором 3 марта 2023 г. сообщила The Wall Street Journal. Этот спор не имеет отношения к обсуждаемому здесь вопросу, который заключается в том, что продажа западных активов по цене не более чем за 50% от оценочной стоимости, согласно российским правилам, представляет собой передачу физического капитала российским собственникам на выгодных условиях.

и рабочую силу, остается в России. Возобновление производства в этом случае сводится в основном к заполнению пробелов в цепочке поставок. Хотя это требует времени и усилий, для зрелых технологий, таких как автомобилестроение или даже гражданская авиация, это обычно не является непреодолимой проблемой.

Влияние на персонал

Утверждения Зонненфельда об эмиграции квалифицированного персонала трудно оценить по достоинству; насколько известно, не существует подробного описания трудовых навыков у тех, кто покинул страну. Мы также не знаем многого о (гораздо большем) количестве прибывающих в страну, включая около трех миллионов беженцев из Украины – по некоторым оценкам, кстати, это число гораздо выше. Но можно предположить, что наиболее «технически квалифицированные» и физически мобильные эмигранты из России относительно молоды, а значит, относительно недавно получили образование. При сохранении системы образования они скоро будут заменены. Опять же на это нужно время. Но Россия много раз и видела худшее, и многое меняла.

Влияние на олигархов

Санкции также направлены против отдельных лиц, особенно богатых, известных в России как «олигархи», с реальными или предполагаемыми связями с российским правительством. На Западе предпринимаются целенаправленные усилия по отслеживанию и аресту активов этих лиц. Можно предположить, что эти усилия увенчались успехом, лишив олигархов, оставшихся в России, потоков доходов, которыми они пользовались ранее.

Однако интересы олигархов не совпадают с интересами российского государства или населения в целом. Олигархи, как частные лица, могут вывозить и, как известно, вывозили свои доходы и вкладывали их в западные предприятия, спортивные команды, недвижимость, дворцы и яхты. Потеря возможности делать зарубежные инвестиции не оказала бы никакого чистого эффекта на общее благосостояние внутри России. Потеря финансирования для поддержки импорта предметов роскоши в Россию также не оказала бы значительного влияния на уплату налогов и на средства к существованию дистрибьюторов и обслуживающего персонала.

Более важным для олигархов было влияние санкций на их политический вес в стране. Очевидно, что их власть значительно уменьшилась. В исключительных случаях пострадавшие богачи покинули Россию и переместили свои состояния туда, где они (насколько это возможно) защищены. Сообщается, что теперь они (своими покупками) повышают цены на недвижимость в Дубае и, вероятно, в других местах⁶. Возможно, есть и обратный эффект для некоторых районов Москвы и Санкт-Петербурга. В остальном, если только не придерживаться взглядов Айн Рэнд на роль героя-предпринимателя, экономический вес нескольких конкретных магнатов более или менее равен нулю.

Перспективы: влияние на прибыльность внутри России по сравнению с Европой

Насколько реально для российского бизнеса занять место (ушедших) западных фирм на рынках России? Ответ на этот вопрос должен учитывать тот факт, что Россия фактически стала страной с рыночной экономикой. Поэтому ее предприятия в значительной степени подчиняются рыночным условиям, в которых ключевым является мотив получения прибыли.

В определенном смысле перед российской промышленностью и другими отраслями стояла та же проблема, что и перед европейской: найти замену основным компонентам, в Европе – это энергоносители, в России – машины и технологии, а также многие потребительские товары. В обоих случаях заменители заведомо стоят дороже, если они вообще доступны. Но есть и ключевое различие. Европа находится во власти мирового рынка газа и нефти. В России дефицитом являются промышленные товары, выпуск которых, в принципе, можно наладить при постоянно снижающихся издержках производства и улучшающемся качестве. Это соответствует закону возрастающей отдачи в результате роста масштаба производства. Вопрос о том, удастся ли реализовать эту возможность, остается открытым, но пока местные предприятия будут считать, что режим санкций будет действовать постоянно, рыночные стимулы для работы над проблемой останутся сильными.

⁶ The Economist, 2023. “Russians have helped make Dubai’s property market red hot – again” 5 Apr. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/04/05/russians-have-helpedmake-dubais-property-market-red-hot-again>

Конечно, прекращение импорта потребительских товаров, комплектующих изделий и промышленного оборудования (при условии, что это будет сделано эффективно) нарушает деятельность в краткосрочной перспективе. Безусловно, существуют и технические трудности в производстве заменителей, которые в некоторых случаях могут оказаться непреодолимыми. Но сокращение импорта повышает рентабельность отечественных заменителей, которые ранее были неконкурентоспособны. В то же время сокращение экспорта снижает цены на ресурсы на внутреннем рынке – а мы знаем, что рублевая цена топлива внутри России не изменилась в 2022 г. До тех пор, пока сохраняется внутренний спрос, – что является важной оговоркой, – в такой крупной рыночной экономике, как российская, эффективные санкции действуют подобно экспортно-импортным квотам или тарифным барьерам. Все это похоже на политику протекционизма, защиты торговли в сочетании с активной промышленной политикой при благоприятных рыночных условиях. В то же время санкции в отношении отдельных лиц и разрыв финансовых связей между Россией и Западом действуют подобно контролю за движением капитала; они побуждают богатых россиян, находящихся в России, инвестировать у себя дома.

В Европе рыночные эффекты действуют в обратном направлении. Хотя техническая замена одного вида нефти или газа на другой – например, трубопроводного газа на СПГ – может быть достаточно простой задачей, главная сложность заключается в цене. Повышение цен на ресурсы снижает рентабельность бизнеса в сфере переработки и сбыта. Эти последствия хорошо видны на примере индексов цен на импортные товары (в основном энергоносители) в Европейском союзе, которые росли еще до начала военных действий и продолжали расти в течение года. Между тем сокращение экспорта готовой продукции из-за санкций уменьшает объем рынка, что еще больше снижает прибыль. Бизнес в упадке, банкротства множатся, а деньги уходят.

Резюме анализа Зонненфельда

Выше были рассмотрены основные моменты анализа исследовательской группы Зонненфельда. Их утверждения о резком падении потребительских покупок в московских магазинах, потере рабочих мест в связи с уходом иностранных фирм

и плохих финансовых показателей крупных ресурсных компаний в первой половине 2022 г. логически вытекают из этих пунктов. Я не оспариваю ни один из приведенных фактов. Проблема в другом: все вместе эти факты могут привести к противоположному выводу. Несмотря на явные трудности, они могут указывать на потенциал быстрого восстановления в России и противоположный эффект в Европе, наряду с консолидацией экономической власти внутри России в руках, действующих в интересах государства⁷.

Короче говоря, самое главное – это не непосредственный удар по торговле и деловой активности, каким бы тяжелым он ни был. Важнее то, как это отразится на стимулах, прибылях и дальнейшей деятельности. Этот эффект несимметричен для сторон, потому что досанкционная торговля, была эквивалентной только в денежном выражении, но не во многих других отношениях. Для одной стороны рынки росли, а стоимость ресурсов падала; для другой – рынки сжимались, а затраты росли. Прерывание международной торговли повысило потенциальную прибыльность деятельности фирм в России и одновременно снизило ее в Европе – и это ключевые эффекты в среднесрочной перспективе. Таким образом, хотя каждый факт, приведенный Зонненфельдом *и др.*, может быть верным, влияние на будущие экономические перспективы двух бывших торговых партнеров может быть противоположно их утверждениям.

Официальная точка зрения

Перейдем к официальной точке зрения, выраженной высокопоставленными лицами в правительстве США. Она проявляется, как правило, на двух уровнях – в слаженной риторике министров и их заместителей, а также в более подробных и аргументированных

⁷ 28 марта 2023 г. газета The Wall Street Journal опубликовала аналитическую статью Эвана Гершковича, последнюю перед его задержанием в Екатеринбурге по обвинению в шпионаже. В статье приводится мнение Запада и эмигрантов о санкциях, но в то же время признается, что российская экономика до сих пор действительно демонстрировала способность к адаптации. Однако более показателен заголовок: «Российская экономика начинает приходить в упадок». Это мягкое утверждение (выделено автором) контрастирует с такими словами, как «разрушительный» и «калечащий», которые Зонненфельд и др. так свободно и решительно использовали в июле 2022 г. и феврале 2023 г.

сообщениях на брифингах высокопоставленных специалистов, которые опираются на свои экономические знания.

Официальные заявления на высоком уровне обычно преследуют политические и пиар-цели. Тем не менее в них часто присутствует некоторый минимум политического содержания. Так, госсекретарь Блинкен 2 января 2023 г. объявил целью санкций «снижение способности России вести войну и ослабление ее военно-промышленного комплекса». Аналогично в Киеве 27 февраля 2023 г. министр финансов Йеллен заявила, что цель санкций – «ослабить военно-промышленный комплекс России и лишить ее доходов для финансирования войны». В этих официальных заявлениях не было никаких ссылок на российскую экономику⁸, российское общественное мнение или поддержку правительства со стороны влиятельных сил внутри страны.

Тем не менее в рамках того же заявления Блинкен поклялся продолжать усилия по «выявлению и аресту активов российских доверенных лиц по всему миру». Трудно понять, какое влияние эти меры, направленные на яхты и недвижимость, могут оказать на военные действия или военно-промышленный комплекс. Можно сделать разумный вывод, что в основе этого аспекта политики США лежат какие-то другие мотивы – например, стремление убедить олигархов повлиять на политику Кремля⁹.

И все же недавние заявления американских высокопоставленных чиновников, вероятно, скоординированные, значительно более узки по охвату, чем те, которые озвучены в анализе из Йельского университета. Названы две четко сформулированные цели: добиться «деградации» российского военного производства и (еще раз) «лишить» российское правительство «доходов для финансирования своей войны».

Снижение военного потенциала

Оценка влияния санкций на российский военно-промышленный комплекс выходит за рамки возможностей стороннего наблюдателя, поскольку он зависит от наличия «критически важных военных ресурсов» (слова Йеллен), производимых США или их

⁸ Возможно, более откровенно, в мае 2022 г. министр обороны Ллойд Остин действительно говорил о том, что «видит Россию ослабленной».

⁹ Существует также определенная возможность использования этих активов в качестве залога для кредитов, выгодных российскому государству.

союзниками, а также доступ к которым у альтернативного поставщика (например, Китая) может быть прекращен для России. Если такие критически важные ресурсы существуют, то, скорее всего, ни одна из сторон не будет их точно называть публично, хотя на ум приходят авионика и другая передовая электроника. Однако, учитывая длительную и серьезную подготовку России к этой войне в течение десяти или более лет, остаться без запасов критически важных компонентов, находящихся под исключительным контролем НАТО, было бы актом большой небрежности. Йеллен в Киеве упомянула [Yellen, 2023] о замене грузовиков и других транспортных средств, уничтоженных в ходе боевых действий; такая продукция полностью производится в России уже сто лет.

Прекращение финансирования войны

Утверждение, что санкции лишают Россию доходов, необходимых для «финансирования войны», имеет эмпирический и теоретический аспекты. Эмпирический вопрос заключается в том, действительно ли российские доходы (определим их как валютную выручку) сократились. Валютные поступления определяются чистым экспортом. Российский экспорт, прежде всего, нефти, газа, зерна и полезных ископаемых, сократился в количественном отношении. Но цены на эти товары выросли, так что стоимость валового экспорта в первые шесть месяцев 2022 г. выросла, согласно довольно точным данным РАН [Shirov et al., 2022]. Одновременно с этим стоимость импорта снизилась, хотя и умеренно, что усилило рост чистого экспорта. Что касается «финансирования», то санкции оказали эффект, прямо противоположный тому, который был заявлен в качестве официальной цели.

Теоретически, если бы санкции перекрыли «финансирование», повлияло бы это на военные действия? Ответ на этот вопрос можно дать в двух частях. Во-первых, если допустить, что внешнее финансирование необходимо для военных действий, спрашивается, как финансовые средства, полученные за счет чистого экспорта, распределяются внутри российской экономики. Крупная экономика, финансирующая войну, как правило, может перераспределять ресурсы внутри себя, поэтому бремя ложится на невоенное использование средств. Аналогично во время Второй мировой войны бомбардировщики союзников неоднократно

нацеливались на немецкие железнодорожные склады, но не смогли пресечь военные перевозки, которые никогда не были доминирующим элементом потока через эти склады. Финансирование, как и железнодорожные линии, взаимозаменяемо, даже если многие физические действия, которые генерируют финансовые потоки, таковыми не являются.

Второй теоретический вопрос касается того, требуется ли внешнее «финансирование» для обеспечения российских военных усилий. Очевидно, что оно будет иметь значение только в том случае, если российские военные будут покупать критически важное оборудование, материалы, топливо или рабочую силу на мировых рынках. Но на территории Российской Федерации, где происходят практически все действия, связанные с вооруженными силами, финансирование осуществляется из государственного бюджета в рублях, и внешнее финансирование, по определению, не является критически важным.

Оставшийся вопрос, обсуждаемый ниже, касается текущей зависимости государственного бюджета от нефтегазовых доходов, что относится к проблеме формирования структуры налоговой системы.

Профессиональный анализ правительства США

Какая экономическая аргументация лежит в основе официальной точки зрения США? Глубокий анализ официального специалиста, доктора Эмили Бланшар¹⁰ из Министерства финансов США, был представлен 2 декабря 2022 г. под названием «Долгосрочные перспективы экономического роста России...» [Blanchard, 2022]. Эта стенограмма дает ценное представление о формальной структуре экономических рассуждений в правительстве США.

Бланшар начинает со смелого заявления о том, что согласно «официальным прогнозам и прогнозам частного сектора, долгосрочный потенциал роста» России снизился «примерно на две трети» с февраля 2022 г., причем даже «самые оптимистичные прогнозы» предсказывают, что к 2030 г. российский ВВП будет

¹⁰ Главный экономист и заместитель министра экономического роста, энергетики и окружающей среды.

на 20% меньше, «чем он был бы в противном случае». Долгосрочная перспектива, по ее словам, «невероятно стабильна и мрачна».

Отметим, что Бланшар сосредоточилась на российской экономике, взятой в целом и рассматриваемой в долгосрочной перспективе. Этот подход не имеет отношения ни к одной из заявленных целей Блинкена и Йеллен, а именно к деградации военного производства и перекрытию источников финансирования войны. Более того, Бланшар явно избегает анализа «недавних событий», ссылаясь на «фискальную и монетарную гимнастику Москвы для смягчения их последствий». Здесь, в соответствии с принципами общего равновесия и базовой теории экономического роста, предполагается, что долгосрочная перспектива может быть оценена с большей точностью, чем ближайшее будущее. Будет ли при этом обсуждаться негласная цель политики США – ухудшение состояния российской экономики независимо от фактора войны – вопрос, который Бланшар не поднимает.

Фундаментальная математика производственной функции

Уверенность доктора Бланшар в своем анализе основывается на обращении к «фундаментальной математике», знакомой всем изучающим стандартную экономическую теорию – математике производственной функции, элементами которой являются капитал, труд, технология и эффективность распределения – обычно предполагаемая оптимальной в рыночной экономике, но искаженная различными формами государственного вмешательства. Бланшар последовательно анализирует каждый из этих факторов. Первый фактор – это труд. Бланшар, как и Зонненфельд, особо отмечает отток сотен тысяч работников, занятых, в частности, «в информационно-телекоммуникационном секторе, инженерии, научных исследованиях, финансах». Точные данные по этому оттоку не приводятся, как и не упоминаются несколько миллионов, прибывших из Украины. В качестве общего предостережения можно повторить ту же оговорку, которая была высказана в отношении использования Зонненфельдом этого фактора. Мобильный, «современный» элемент этого исхода, если он действительно имел место, скорее всего, будет относительно молодым, и по этой причине со временем его будет относительно легко заменить теми, кто пройдет через систему образования.

Второй пункт Бланшар касается капитала. Она утверждает, что инвестиции в основной капитал резко сократились в начале 2022 г. – это подтверждается российскими источниками. Она также отмечает, что когда иностранные фирмы покидали Россию, они забирали «с собой и финансирование, и капитал, которые им были необходимы для роста». Эта часть ее тезиса, похоже, происходит из того, что она путает физический капитал – строения, машины, распределительные сети – с финансированием (или, точнее, с доступом к нероссийским источникам финансирования). Однако очевидно, что физический капитал не был вывезен, и стало бы нормальной практикой, если бы и финансовый капитал, размещенный в России, привлекался тоже из российских источников. «Инновационный и управленческий потенциал», согласно Бланшар, также был утрачен. Но это предполагает, что менеджеры иностранных предприятий (и их ближайшие подчиненные) в России были в основном иностранцами, или же россияне были склонны эмигрировать вместе со своими компаниями, даже если за границей их не ждала работа. Это была бы самая необычная модель для современных транснациональных корпораций.

Третий и четвертый факторы Бланшар – это «неэффективное распределение ресурсов в экономике» вследствие «путинской мобилизации» и «импортозамещения», а также то, что она называет «волшебным секретным соусом долгосрочного экономического роста, которым являются инновации». Эти факторы трудно оценить, поскольку они не имеют количественного определения даже теоретически. Однако мы знаем, что промышленная подготовка России к началу военных действий в феврале 2022 г. задолго предшествовала этому событию. Поэтому нелогично связывать с этой причиной ухудшение распределения ресурсов, произошедшее после февраля 2022 г., как это делает Бланшар. Изменения, произошедшие после начала военных действий, являются лишь продолжением процессов, начатых задолго до этого.

Относительно «волшебного секретного соуса» Бланшар заключает, что «оставшиеся в России фирмы и менеджеры просто не подойдут для XXI века, когда требуются бережливые, гибкие и инновационные компании». Далее она заключает, что по мере того, как российское государство будет навязывать «все более

и более жесткую хватку», распределение труда и капитала будет становиться «все менее и менее эффективным», и «коррупция получит идеальные условия для роста». Эти утверждения играют большую роль в негативном взгляде на долгосрочные перспективы России. В их основе лежат априорные суждения; что же касается доказательств их справедливости, то они не приводятся.

Рассмотренные оценки представляют собой результат усилий самых высокопоставленных американских академических экспертов по России и – надо полагать – в них проявился весь аналитический потенциал американского государства, включая вклад спецслужб, изучающих экономические вопросы. Мы можем воспринимать эти оценки как окончательные, особенно учитывая, что министр финансов Йеллен является самым высококвалифицированным и опытным экономистом из тех, кто когда-либо занимал этот пост – ее единственным близким соперником был Лоуренс Саммерс в течение короткого периода в конце 1990-х годов.

Как мы видим, предложенные аргументы открыты для критики на логических и эмпирических основаниях, и, возможно, подвержены некоторой путанице в том, что касается конечных целей политики США в отношении России. В официальных заявлениях, помимо этого, присутствует понятная предвзятость, когда объявляется успех политики, а не признаются неудачи (это было бы менее понятно при анализе, проводимом независимыми учеными и аналитическими центрами). Хуже могло быть, только если бы желание добиться определенного результата затуманило суждения чиновника и аналитика. Такое состояние нередко встречалось в прошлом, и ему часто приписывают последующие провалы.

Взгляд из Москвы

В завершение этой работы полезно сравнить американские оценки, приведенные выше, с выводами ведущих российских экспертов, в частности из Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, который 20 октября 2022 г. выпустил «Аналитическую сводку за январь-июль 2022 года» [Shirov et al., 2022]. Документ подробный, изложен нейтральным языком, и оценки основных фактов в нем ни в коей мере не расходятся с американскими. Например, РАН сообщает:

«...шок, вызванный санкциями, привел к масштабным кризисным процессам, затронувшим практически все сферы российской экономики... Среди наиболее острых проблем [были] трудности с получением импортного сырья и комплектующих, а также необходимость их замещения... рост цен внутри страны... повышение общей неопределенности в российской экономике... рост стоимости импорта... падение платежеспособного спроса внутри России, удорожание кредитов».

В сводке, среди прочего, отмечается резкое падение инвестиций в бизнес в первой половине 2022 г., сокращение производства автомобилей на две трети и сорокапроцентное падение производства стиральных машин и холодильников. Таким образом, в этом документе повторяются ключевые элементы обоих американских анализов, рассмотренных выше. Однако дальнейшие выводы РАН расходятся с теми, что сделаны американскими коллегами. Они гласят: «Несмотря на чрезвычайную остроту проблем, властям удалось достаточно быстро остановить инфляционный всплеск в экономике, предотвратить банковскую панику, обеспечить бесперебойную работу платежной системы и с запасом вернуть рубль к прежнему курсу».

Далее, общее снижение ВВП «в первой половине 2022 года составило 0,4% в годовом выражении», и этот «результат можно считать относительно благоприятным». В июле-августе 2022 г. также наблюдалось некоторое оживление в российской промышленности и инвестиционном секторе. Это заметно контрастирует с прогнозами Казначейства США и частными американскими прогнозами, которые еще в декабре 2022 г. утверждали, что российские деловые инвестиции начнут восстанавливаться не ранее 2028 г.

Рассмотренный материал РАН содержит многочисленные предупреждения о потенциальных опасностях «долгосрочной стагнации» в российской экономике, включая «серьезные средне- и долгосрочные угрозы, вызванные санкциями». Чтобы справиться с ними, авторы призывают к созданию «новой архитектуры международной торговли и экономических связей... мобилизационных (плановых) механизмов и ускоренному развитию высокотехнологичных отраслей», которые, как отмечается, «всегда» сопровождают «крупномасштабные военные операции».

В сводке также прямо говорится о государственных финансах, которые «очень нестабильны и ухудшаются» из-за высокой зависимости государственного бюджета от нефтегазовых доходов. В этом отношении, в узком смысле, резюме РАН поддерживает аргумент Казначейства США о финансировании. Однако очевидной контрмерой является реформа и расширение российской налоговой системы; такие меры давно рекомендованы и в настоящее время осуществляются. Как отмечалось выше, доходы в рублях в основном достаточны.

Таким образом, оценка экспертов РАН совпадает с оценками противника по многочисленным фактам. В ней нет тенденции к искажению информации о последствиях санкций или преуменьшения их последствий. Различия заключаются в фактах, не признанных в оценках США, суть которых – быстрая и в основном эффективная адаптация к неблагоприятным условиям в 2022 г., хотя впереди еще много опасностей и проблем. Еще одно различие заключается в умеренной уверенности российской стороны в том, что при надлежащей политике эти вызовы могут быть решены и преодолены. Это соответствует идее о том, что в российской частной экономике санкции создали мощный стимул для получения прибыли, а также большое рыночное пространство для его реализации. Стимул заключается в устранении иностранных конкурентов для зарождающихся российских фирм, а также в высокой конкурентной среде, благоприятной для внутреннего ценообразования на рынках ресурсов, особенно сравнительно с Европой.

Заключение

Санкции были инструментом экономической войны США на протяжении десятилетий. Их эффективность всегда была предметом споров, но мало кто сомневается в том, что они способны нанести существенный ущерб малым экономикам, таким как Куба, и странам, чей адаптационный потенциал был невелик, например, Ираку или Венесуэле. Другое дело – более крупные и промышленно развитые экономики, включая Иран, Южную Африку при апартеиде и Сербию при Милошевиче. Россия – это совсем другой масштаб.

В российском случае санкции были введены против экономики, в которую глубоко проникли иностранные фирмы

почти во всех гражданских сферах, а деятельность, контролируемая внутри страны, в значительной степени ориентирована на гигантских производителей ресурсов, таких как «Газпром» – и у них тоже часто были западные партнеры. Любой посетитель России последних лет отметил бы преобладание на российском рынке нероссийских автомобилей, товаров длительного пользования и предметов роскоши всех типов, не говоря уже о больших магазинах и ресторанах быстрого питания. Эти производители и дистрибьюторы были глубоко интегрированы в российскую жизнь, и они действовали на полных законных правах в рамках российской экономики. Если они способствовали развитию местных компетенций – а они, несомненно, способствовали, – то эти компетенции оставались подчиненными иностранному брендингу, иностранным компонентам и иностранному контролю над ключевыми товарами.

Экономическая теория, лежащая в основе санкций, как представляется, базировалась на убежденности о врожденном превосходстве западной экономической модели и неспособности российских предприятий и российского государства выполнять основные экономические функции с западным уровнем эффективности. Эта точка зрения, в свою очередь, очевидно, была продиктована советской эпохой и беспорядками переходного периода 1990-х годов.

Известные люди в России, в том числе из ведущих независимых институтов, таких как Российская академия наук и Вольное экономическое общество, на протяжении десятилетий выступали за смешанную экономическую модель с акцентом на реиндустриализацию под руководством национальных компаний и государства. Их успех в убеждении правительства пойти по этому пути был в лучшем случае эпизодическим. Олигархи, которые были сильно ориентированы на Запад и имели резиденции и крупные инвестиции за рубежом, выступали за открытость и интеграцию. То же самое делали и важные академические институты и международные форумы.

Для того, чтобы сломать контроль нероссийских игроков над российской экономической жизнью, потребовались бы внеправовые меры, напоминающие мафиозное государство, несовместимые с приверженностью руководства страны к упорядоченным и законным рынкам и деловой практике – сферам, в которых

с 1990-х гг. были с большим трудом завоеваны значительные, хотя и не полные, успехи. Это потребовало бы введения тарифов, квот, ограничений на иностранную собственность, даже изгнания успешных и честных предприятий, работающих на российской земле. Внутренняя оппозиция была бы сильной. Краткосрочное влияние такой политики на уровень жизни подорвало бы легитимность режима. Осуждение со стороны Запада было бы крайне жестким и вполне оправданным.

Таким образом, если бы санкции не были введены, трудно представить, как могли бы появиться те возможности, что сейчас открылись для российских компаний и предпринимателей. Политически, административно, юридически, идеологически, даже в начале 2022 г. российскому правительству было бы крайне сложно инициировать сопоставимые меры, такие как тарифы, квоты и высылки иностранцев, учитывая мощную хватку рыночной экономики, в которую попали российские политики и олигархи, и якобы ограниченный характер «специальной военной операции». В этом отношении, несмотря на шок и издержки, санкции, наложенные на российскую экономику, очевидно, имеют характер подарка.

Между тем форсированный характер развития крупносерийного военного производства неизбежно приводит к быстрой смене базовой техники и передовых технологий, а также к подготовке новой когорты технического персонала. Хотя некоторые технологии еще предстоит освоить, Россия не испытывает недостатка в базовых ингредиентах – продовольствии, топливе, материалах, научных и инженерных талантах. Вопрос о том, способно ли ее экономическое руководство эффективно использовать эти ресурсы, остается открытым, но пока что доказательства обратного неубедительны. И возникает вопрос: по сравнению с кем?

Литература/References

Biekert, Mary and Alexandre Tanzi (2022). “Dollar Steals Global Payment Flows from Euro Amid Market Turmoil,” *Bloomberg*, 22 Sept. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-22/dollar-steals-global-payment-flows-from-euro-amid-market-turmoil?lead>

Blanchard, Emily (2022). Russia’s Long-Run Economic Growth Prospects, Values-Based Trade, and Building Resilient Supply Chains. 2 Dec. *Foreign Press*

Center Briefing. Available at: <https://www.State.Gov/Briefings-foreign-press-centers/Russias-long-run-economic-growth-prospects>

Blinken, Antony J. (2023). Sanctioning Evasion Network Supporting Russia's Military-Industrial Complex. 1 Feb., *Press Statement*. Available at: <https://ua.usembassy.gov/tag/russias-military-industrial-complex/>.

Brockoetter, Fabian (2023). "Russian poultry industry sets ambitious targets for 2023." *Poultry World*, 13 Jan. Available at: <https://www.poultryworld.net/the-industrymarkets/market-trends-analysis-the-industrymarkets-2/russian-poultry-industry-sets-ambitious-targets-for-2023/>

Brzezinski, Nadin (2023). Consequences of the Defeat of Russia. *Medium*, 2 Jan. Available at: <https://nadinbrzezinski.medium.com/consequences-of-the-defeat-of-russia-ec7e12c9971c>.

Davies, Pascale (2023). Half of the European Union and One-third of the World Face Recession in 2023, IMF Warns. *Euronews*, 2 Jan. Available at: <https://www.euronews.com/next/2023/01/02/half-of-the-european-union-and-one-third-of-the-world-face-recession-in-2023-imf-warns1>

Eurostat (2023). Q4 2022: Business Bankruptcies Highest since 2015. 17 Feb. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20220217-2>

Galbraith, J.K. (2023). *The Gift of Sanctions: An Analysis of Assessments of the Russian Economy, 2022–2023*. Institute for New Economic Thinking. Working Paper. No. 204. <https://doi.org/10.36687/inetwp204>

Goodfriend, Marvin (2007). How the World Achieved Consensus on Monetary Policy. *National Bureau of Economic Research*. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w13580/w13580.pdf. Working paper.

Ha'aretz (2022). "Putin's Senior Adviser Reportedly in Israel After Leaving Russia Over Ukraine Invasion," 6 May. Available at: <https://www.haaretz.com/israel-news/2022-05-06/ty-article/putin-senior-advisor-reportedly-in-israel-after-leaving-russia-over-ukraine-invasion/00000180-9e4c-d7a9-a393-9e4d4caa0000>

Intellinews (2023). Russia Is Successfully Evading Western Technology Sanctions. 6 Mar., Available at: <https://www.intellinews.com/russia-is-successfully-evading-western-technology-sanctions-271899/>.

Kanchev, Georgi, and Evan Gershkovich (2023). Russia's Economy Is Starting to Come Undone. *The Wall Street Journal*, 28 Mar. Available at: <https://www.wsj.com/articles/russias-economy-is-starting-to-come-undone-431a2878>.

Marcus, J. Scott et al. (2022). The Decoupling of Russia: High-tech Goods and Components. *Bruegel*, 28 Mar. Available at: <https://www.bruegel.org/blog-post/decoupling-russia-high-tech-goods-and-components>

Marder, Michael (2023). Through the Russian Looking Glass. *Project Syndicate*, 13 Jan. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-return-soviet-planned-economy-ukraine-war-putin-by-michael-marder-2023-01>

Münchau, Wolfgang (2022). "Are sanctions making Russia richer?" *The Spectator*, 28 May. Available at: <https://www.spectator.co.uk/article/are-sanctions-making-russia-richer/>.

Scannell, Kara and Jessica Schneider (2022). "How fast could you sell this? Russian elites scramble to move, sell assets to get ahead of international crackdown." *CNN*. 5 Mar. Available at: <https://www.cnn.com/2022/03/05/politics/sanctions-russian-oligarch-elites/index.html>

Shirov, A.A. et al. (2022). *Quarterly GDP forecast*. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Issue No.55. 20 Sept. Available at: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-ekonomiki-vypusk-55/>.

Sonnenfeld, Jeffrey et al. (2022). Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy. Yale Chief Executive Leadership Institute, 20 Jul. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4167193>

Sonnenfeld, Jeffrey, and Steven Tian (2023). A Year After the Invasion, the Russian Economy Is Self-Immolating. *Yale Insights*, 21 Feb. Available at: <https://insights.som.yale.edu/insights/year-after-the-invasion-the-russian-economy-is-self-immolating>

Stevenson, Tom (2022). America and Its Allies Want to Bleed Russia. They Really Shouldn't. *The New York Times*, 11 May, Available at: <https://www.nytimes.com/2022/05/11/opinion/russia-ukraine-war-america.html>

Summers, Lawrence H., et al. (2023). The Moral and Legal Case for Sending Russia's Frozen \$300 Billion to Ukraine. *The Washington Post*, 20 Mar., Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/20/transfer-russian-frozen-assets-ukraine/>

The Economist (2023). "Russians have helped make Dubai's property market red hot – again" 5 Apr. Available at: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2023/04/05/russians-have-helped-make-dubais-property-market-red-hot-again>

Van Dijk, Zana (2022). "Russia: The cheese side of things". *Dairy Global*, 3 Mar. Available at: <https://www.dairyglobal.net/industry-and-markets/market-trends/russia-the-cheese-side-of-things/>

Yellen, Janet L. (2023). Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen in Kyiv, Ukraine. 27 Feb. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1305>

Zumbrun, Josh (2023). Academic Fight Erupts Over Measuring the West's Pressure on Russian Economy. *The Wall Street Journal*, 3 Mar. Available at: <https://www.wsj.com/articles/academic-fight-erupts-over-measuring-the-wests-pressure-on-russian-economy-9aee8cc5>

Статья поступила 11.07.2023

Статья принята к публикации 11.07.2023

Для цитирования: Гэлбрейт Дж.К. Подарок санкций: анализ оценок российской экономики, 2022–2023 гг. // ЭКО. 2023. № 9. С. 8–32. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-8-32

For citation: Galbraith, J. K. (2023). The Gift of Sanctions: An Analysis of Assessments of the Russian Economy, 2022–2023. *ECO*. No. 9. Pp. 8–32. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-8-32

Информация об авторе

Гэлбрейт Джеймс Кеннет (Остин, США) – доктор экономических наук, профессор Техасского университета в Остине.

E-mail: galbraith@mail.utexas.edu

Summary

James K. Galbraith

The Gift of Sanctions: An Analysis of Assessments of the Russian Economy, 2022–2023

Abstract. This essay analyzes a few prominent Western assessments, both official and private, of the effect of sanctions on the Russian economy and war effort. It seeks to understand the main goals of sanctions, alongside bases of fact and causal inference that underpin the consensus view that sanctions have been highly effective so far. Such understanding may then help to clarify the relationship between claims made by economist-observers outside Russia and those emerging from sources inside Russia – notably from economists associated with the Russian Academy of Sciences – which draw sharply different inferences from the same facts. We conclude that when applied to a large, resource-rich, technically proficient economy, after a period of shock and adjustments, sanctions are isomorphic to a strict policy of trade protection, industrial policy, and capital controls. These are policies that the Russian government could not plausibly have implemented, even in 2022, on its own initiative.

Keywords: *sanctions; Russia*

Information about the author

Galbraith, James Kenneth (Austin, USA) – Doctor of Economic Sciences.
University of Texas at Austin, TX 78712.
E-mail: galbraith@mail.utexas.edu